84(2Рос=Рус)—4Кем)6
А 69 —КБ

Михаил Анохин

Жажда немоты

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач. _____

3 ТМО Т. 3.600.000 З. 1204—92

84(2Рос-2Рос-4К
А 69
-ЦБ

МИХАИЛ АНОХИН

ЖАЖДА НЕМОТЫ.

ИЗБОРНИК

Стихи 2011-2015 года

0551207

г. Прокопьевск

О обсл. Прокопьевская ЦБС Центральная библиотека

ББК 84(2 Рос0Рус)

Анохин М.П.

ИЗБОРНИК

ЖАЖДА НЕМОТЫ.

Самиздат

Ленина 33 кв 63

Дизайн обложки Л.Козлова.

Редактор Л.Козлова.

Составитель Л.Козлова.

Автор член Союза писателей России, дипломант международных и региональных конкурсов.

ББББК 84 (2Рос-Рус) т 57

Я УСТАЛ

Я устал от всего дурного
Дайте мне отдохнуть в тиши
На полянке леса родного
в самой чаще шорской глуши.
Что б вокруг вековечные пихты,
кедрачи
с тяжелым зерном.
Чтобы птицы лесные стихли.
Я забылся тревожным сном.
Что-то снилось…
Кружили черти
в хороводах своих
меня.
Безобразные рожи смерти
в жарком пламени видел я.
Нет, земля ты моя родная!
Не излечишь мою ты хворь!
Журавлей улетела стая
на просторы
свободных воль.
Я остался один
под небом,
ставшим чуждым,
холодным, злым
Много света
и много хлеба,
но пресытился
хлебом сим.
Я устал от себя дурного,
ничего не могу забыть!
Только слово,
ищу я слово
без которого
мне не жить.

ПРОЛЕТЕЛА ВОРОНА

Вот ворона пролетела,
человек прошел.
Вот лежит кусочек мела -
во дворе нашел.
Нету мысли,
скука сучит
дратву для шитья,
и меня она проучит,
и возьмет в зятья.
Я женюсь на той молодке,
что зовется – смерть.
Жалко мало в стопке водки,
чтобы отвердеть.
Чтобы быть под стать невесте
с острою косой.
Сучит скука – жду известий,
а доходит вой.
Кто там воет?
Кто там ноет,
жизнь свою кляня?
Тени ходят по обоям -
смотрят на меня.
Вот ворона пролетела,
человек прошел.
Ну а мне какое дело,
если он осел?
У ослов прочнее кожа
и упрямый нрав.
Вот я тоже,
вот я тоже
был всегда не прав!
Нету мысли,
скука сучит
дратву для меня.
Дратвой душит,

дратвой учит
старого коня.
Был женат на той молодке,
что зовется смерть.
С ней в одной мы плыли лодке -
лодка стала течь.
Слышу вой и слышу крики,
Господи спаси!
По обоям ходят лики
с надписью – такси.
Я бреду,
в бреду по пояс,
не такси – тоска!
Я один –
Аника-воин
с пулей у виска.
Вот нажму и прогрохочет
громовой раскат.
Отпустить меня не хочет
мой «вишневый сад».

РОДИНА

Только это остается,
То, что на сердце лежит.
То, что шепчется,
поётся,
родником хрустальным льётся
и водой
на дне колодца
чистым зеркалом дрожит.
Край таёжный,
рудный,
горный
в детской памяти моей!
Ты огромный,
ты просторный,
край мой
серых журавлей.
Когда листья на рябине
осень холодом сожжет
Слышу крики,
Клики,
всхлипы -
журавлиный перелет.
Только я тоски не ведал,
отрываясь от корней!
Я забыл тебя –
не предал!
Я всё тот же,
Ей-же-ей!
Что-то кровное творится,
там - далеко,
вдалеке,
словно в клетке
бьётся птица,
или зимняя синица
ноги спутала в силке.

Вдалеке, но не далеко,
С часу на час – семь часов!
От заката до Востока
путь моих бессвязных слов.
Путь – души моей страданье,
путь,
как горе матерей!
Путь, как Божье наказанье
за распущенность детей.
Только то и остаётся,
что на сердце залегло!
В чистом зеркале колодца
отражается лицо!
Отразилось и исчезло!
Словно крышкой гробовой -
люк колодца
лёг над бездной…
Ведра -
с чистою слезой!
Понесли,
несем и ноша,
рук не тянет,
плеч не жмёт,
Зной ли,
дождь,
или пороша,
или вьюга снегом
бьёт!
Тянем,
тянем эту ношу
через годы и века.
Почему же.
всё же,
что же
так ломается строка?
Почему же гимна нету
или просто похвальбы?

Почему на всю планету
Нет нам доли и судьбы?
Плачет мать,
жена рыдает,
сын сурово брови
свел.
Снова ворог нападает,
снова к грани
подошел.
Грань, граница,
а за нею
мир тяжелый,
мир скупой!
Я себя не пожалею,
я собою тебя развею,
словно пепел над землей!
С правдой, верою и с богом
устоит мой отчий край.
Я прошу тебя не трогай,
и за душу не хватай!

НЕЛЬЗЯ ОТЧАИВАТЬСЯ

Ничего в голове моей нет!
Только звон в голове моей
есть.
А ему все равно,
что подлость,
что честь.
Этот звон в голове
меня
ест.
И уже половину меня сожрал.
Я не помню где явь,
где сон.
Я шипами из роз
свой путь устлал,
чтоб не слышали люди стон.
И стихи бормочу
совсем не так,
когда был я и юн
и свеж.
И в стихах этот звон,
этот стон
и мрак
перешли словесный рубеж.
Объявляю войну самому себе!
В безнадежный иду поход.
Знаю
мне суждено
погибнуть в борьбе,
но себе говорю:
- Вперед!
Ни шагу назад!
Ни ступни,
ни пяди!
Пусть от звона голова

раскалывается!
Пусть гогочут литературные
бляди,
твержу как молитву:
- Нельзя отчаиваться!

НА КРЕСТЕ

Я чувствовал, как тело онемело
и даже бровью шевельнуть не мог.
Я чувствовал, как тело деревенело,
перешагнув за болевой порог.
Потом я умер.
Чувственность пропала,
но слышал я земные голоса:
- Давайте на бок!
На бок его, Алла!
Так, хорошо!
И лезвие ножа вернуло боль –
сознание отняло!
И был мой дух далеко от меня
в скитаниях
над безднами астрала.
Когда вернулся –
я открыл глаза,
увидел лица,
и услышал тело.
Меня ж оно и слушать
не хотело,
и даже раскрывать мои уста.
Везли меня несчастного в палату
по коридору узкому
туда,
где мне на бок положили заплату.
Там страждут все!
Там день и ночь – страда!
Четырежды в страду свою вступая,
благодарю Всевышнего
за то,
что он не дал мне,
здесь,
земного рая,

но ад припас,
чтоб стал
с ним заодно!
Но скотской я натуре
потакая,
живу
не в божьем доме –
в шатком шалаше!
Твержу, твержу
не надобно мне рая,
но ад уже
не вынести душе.

ЖЕНЩИНЕ В СОТЫЙ РАЗ

Хочешь,
нервы потреплем себе
и прикроем тряпьем!?
Прикоснемся друг к другу
да так,
чтоб связать все концы
и начала.
Чтобы все между нами
начавшись
и тут же кончалось!
Ты же помнишь об этом?
Но знаешь об этом не всё!
Что не знаешь
о том
пусть расскажут тебе
твои жаркие губы!
Эти груди тугие
и острые копья сосков!
Пусть расскажут тебе
все плакучие ивы лесные,
и тяжелые залежи
русских снегов.
Пусть оплачет тебя,
изначальный
весь род материнский,
что привык отправлять
на войну
своих взрослых сынов.
Исполать тебе – русская женщина!
Силы твоей исполинской
Разве может осилить
и время,
и полчища
лютых врагов?

Вот и я не смогу
ничего
к твоей славе добавить.
И смиренно,
и робко стою на пороге
твоем.
Славословия много,
но разве словами исправить
всё,
что было меж нами,
пластало меж нами
огнем!

ТОВАРИЩАМ

В моей вы памяти всегда:
и молоды,
и свежи.
Течет вода,
журчит вода,
А вы все те же,
те же!
Лишь я старею,
я – не в счет!
Такое моё чувство!
Вода течет,
Вода сечет,
прокладывает русло.
И в той давнишней стороне
у ветхого порога:
поклон воде,
поклон тебе
товарищ мой,
от Бога!

УЖАС

Тихий ужас,
липкий ужас
на моем сидит окне!
Завывает ветер,
крУжит
и ворожит обо мне.
Стой, метелица шальная!
Кто-то там, в пути
Замерз...
Пес бездомный
умирая
до дверей моих
дополз.

СНЕЖНАЯ НЕЖНОСТЬ

Ты снежною нежностью
так охватила,
что всё в мое сердце застыло,
заныло!
Одна только ты,
как кристальная глыба!
Не мила - но люба!
Не сладка – но стыла!
О, как буду жить
если снег твой растает?
Любить?
Но любовь моё сердце измает.
Замерзнет оно -
жизнь уйдет без остатка!
Гореть?
Да, сгореть
было б
мощно и жарко!
Из снежного плена,
из нежного плена
уйду я туда,
где маячит измена!
Туда, где огонь
обращает всё в пепел!
Но как мне забыть
твой и холод,
и лепет!?

055120

Прокопьевская
Центральная

БАТАРЕЙНОЕ СЕРДЦЕ

Вставили мне в сердце батарейку
И запел, как заводная канарейка
Нету песенки грустнее той на свете.
Посмотрите, то же будет с Вами дети.
Вставят руки, ноги, печень, почки
Из пробирок выйдут ваши дочки.
Нету песенки печальнее на свете,
Чем вот эта о потерянном сюжете.
Человеческое в жизни исчезает
Сердце с батарейкой не рыдает.

ВЕРТИНСКОМУ

Ты был человеком из сказки…
Забавной и славной,
такой,
где люди одетые в маски
своей торговали душой.
От этого голос ломался,
романс задыхался в слезах…
И в сдвоенной музыке вальса
Вы грезили там о снегах…
В лиловом и банановом Сингапуре,
где небеса в медовых облаках,
Вы говорили маленькому кули:
«Как хорошо кататься на санях!»
Мы потеряли прежнюю Россию,
не удержали сталинский свой путь.
Но приоткрыли веки злому Вию,
и сердце сжала мерзостная жуть!
И где теперь твой звонкий колокольчик?
Где твой Пьеро, ломающий камедь?
Сейчас в почете жирный барахольщик,
И те, кто хочет, да не может петь!

ДУША МОЯ ПРЯНАЯ

Чего ты ищешь пряная душа?
Каких еще ты жаждешь наслаждений?
На рынках века не дадут гроша
за соль и перец всех твоих волнений!
Отвергнутая, небом и землей
ты мечешься в пространстве бесприютном.
Лишь вожделенья - грозной толпой
бормочут над тобой, о часе судном.
О часе том, когда приходит Он -
весы в руках и меч в его деснице,
и ангелы – чудовищные птицы
собой покроют низкий небосклон.
О, трепещи тогда душа моя!
Бессмертная - ты в вечности застынешь!
Так гибнет время, в миражах пустыни,
в безводную ловушку нас маня!
Вот так и ты, влекомая соблазном
окажешься в пространстве
безобразном!

О ГРЯДУЩЕМ ЧЕЛОВЕКЕ

Небом настроены чуткие струны…
Страхи и страсти
в смущенной душе.
Кто мы – грядущие?
Грубые гунны в звездном плаще!
Землю пожрем,
родники – обесчестим,
выкинем прах из священных могил!
Выучим волчьи подлунные песни,
плети совьем из разорванных жил!
И ускоряясь в стремительном беге,
жизнь промелькнет за мгновенье одно…
Что я скажу о таком человеке?
Мне не дано!

В ДОМЕ БЕЗ СТЕН.

Мой дом без стен!
Проходят сквозь него
людские толпы
и меня в нём топчут!
И только дети боязливо ропщут,
боясь прохожих тронуть, хоть кого!
Распластанный и смятый – сам не свой!
Я под пятой хозяина чужого
боюсь промолвить праведное слово!
Чем оправдаюсь, Боже, пред Тобой?
Терпением? Смирением?
Иль тем, что жизнь любил
я выше Чести, Славы?
Что робок был,
как заяц на потраве?
Что в бурю глух?
В затишье – глух и нем?
И смотрит мать – страдалица моя,
как вынимают душу из меня!

СТИХИ О ПЕРЕМЕНАХ

Свищет яростно ветер
в этом доме без стен!
А хотелось,
а пелось:
«Перемен, перемен!»
Но пришли перемены
вслед за ними – орда!
И мятеж, и измены,
и – суды без суда!
К этим рожам звериным
приглядишься
и вот
в подлеце - под личиной
сам себя узнаешь!
Не из мира иного
эти орды пришли…
Мы из праха земного,
их слепив – обожгли!
Поклонились кумирам…
Вся страна, что алтарь!
Губы мазали жиром
в небо – копоть и гарь!
В этой,
идольской жертве
семя зрело орды…
То-то яростны ветры
у порога беды!
Всяк, Творца предающий,
на исход обречен.
И особо – живущий
прежде всех, отделен!
Перемен мне хотелось!!

Перемен – не измен!
Но сложилось,
как спелось
в этом доме без стен!

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

У Красного Яра и
Белой реки
водку "паленую"
пьют мужики.
Пьют и хохочут
судачат о том,
можно ли бабу
сравнить с мужиком?
Север не Север,
мороз не мороз,
но до смеялись
до горя
и слез.
Слезы просохли
и хмель улетел,
кто-то о матери
тихо запел:
- Милая мама,
прости и прощай!
Баюшки, баюшки
баюшки, бай.
Стиснуто время
в косматой руке
всё уместилось
в короткой строке.
Северным ветром
пробита насквозь
изморозь сердца,
духовный нарост.
От Красного Яра
до Белой реки
молча в могилах
лежат мужики.

Ты не про это!
Про это – не сметь!
Господи, дай же
мне песню допеть!?
Для покаяния времени
– дай!
Баюшки, баюшки
баюшки, бай!

БЕЛЛЕ АХМАДУЛИНОЙ

О, как она свои стихи читала!
Она – рыдала и слова глотала.
Такое чтенье доставляло муку,
как будто мне заламывали руку!
Но я любил всегда её стихи,
оправленные в рамочку строки.
Звучащие во мне особым строем,
то ветром с моря,
то палящим зноем.
«Сколько народу
мы с тобой невидаль
стража, как воду
ловит нас неводом».
Стража ловила – с носом осталась.
Нет теперь стражи,
невода – нет.
Ты уж не скажешь,
что-то в ответ.
Только твой стих
шевельнется во мне
чуткою белочкой
в старческом сне.
Я за тобою – дверь приоткрыл!
Сколько на кладбищах
близких,
могил!

ПАСХА

Душа моя молилась этой ночью,
и чудный сон
стекал с моих ресниц.
Я видел храм и хор,
как бы воочию,
и сотни тысяч просветленных лиц.
- Христос воскреси!
Обнимались люди
и сердце млело
от любви такой.
И ада нет,
унижены все судьи…
И мир в сердцах,
и на земле покой.

О СОВЕСТИ

Не обойден и не обижен,
Не у обочины в тени…
Речь не о почести,
престиже,
о совести.
Так вот:
у совести всечасной
и полуночной,
и дневной
я не попутчик безучастный –
должник всем телом
и душой!
В себе не выращу обиды,
но говорю себе ж в упрек,
что слишком поздно людям выдал
свой, незаемный, уголек.
Его добыто очень мало,
а все же греет,
все же – свет!
Тепла всегда недоставало
на этой – лучшей из планет!

ПРО ПТИЧКУ И СПИЧКУ

Улетела птичка –
не поймаешь птичку!
Вылетело слово –
не вернуть его.
Без привычной вспышки
обломилась спичка,
а была последней
только и всего.
Я и не заметил,
не придал значенья,
только много позже
понял что к чему.
Мелочи меняют
важные решенья,
мелочи мешают
мне
не одному.

ВОДА КАТУНИ

В.М.Шукшину

Вода Катуни – чистая вода,
она не вдруг смешается с другою.
Такое свойство – быть самим собою
и у людей отыщешь не всегда.
Суровый нрав Катуни в ледоход,
живет необоримая в ней сила,
вот почему свои пески отмыла
от всякой дряни
и чиста течет!
И воду ту не замутят вовеки
духовные кастраты и калеки -
она течет с заоблачных высот.
А ты с Катунью связан навсегда,
Твои здесь корни и твои истоки:
разрыв-трава и в поле – лебеда,
суровые крестьянские пророки.
Упрямый нрав Катуни в ледоход,
таранит берег бешеная льдина
и, кажется, взошла на эшафот,
как Стенька Разин – красная калина.
Я принимаю жизнь твою, как дар,
как окрыленность
и готовность к взлету,
ума и сердца
честную работу.
Ты Разина, порой, напоминал.
Я не бывал от Родины вдали,
но сладкий голос дальнего эфира
зовет забыть, где дедова могила!
Тот голос – тлен!
Ничтожество земли!
И пусть порой иудина слеза
на краткий миг откроет им глаза,

сурова Русь и в горе, и в обиде.
Вода Катуни – светлая вода.
Вода живая, - говорят в народе.
Она течет к простору и свободе,
и будет так навечно, навсегда!

РЫБАЦКАЯ БЕРЕГОВАЯ ПЕСНЯ

Хорошее дело ловить пескарей!
И солнце, и небо, и берег реки –
и всё это наше, сейчас, мужики.
Закинешь уду и глядишь в поплавок,
и ждешь, чтоб пескарь его вглубь уволок!
И вымолвить братцы то счастье - нельзя,
когда на крючке ты увидишь язя!
Хорошее дело на речке сидеть
и песню рыбацкую эту запеть.
Чтоб солнце и небо, и берег реки
поведали миру, что здесь – мужики!
Хорошее дело и берег крутой,
чтоб воду и камни боднуть головой.
.....
Чтоб горы бутылок и ворох сранья
Оставила после большая семья!
.....
Хорошее дело растить сыновей,
Собой непохожих, ничем – на свиньей.
.....
Пропели мы песню, но скажешь ли ты,
что где-то, здесь рядом трава и цветы?
Костер догорает - хрипят мужики,
туман наползает на берег реки.
Уха в котелке, а в костре - уголек
и алой зарей проступает Восток.
И песня звенела, и голос сипел
Немало тогда совершили мы дел!

ЧТО ПРИХОДИТ

Это всё-таки то,
Что приходит оттуда,
оттуда,
Где гудящая медь
Под синкопы свои голосит,
Что никто не вернется,
Что ворон давно уже кружит
И четвертая стража храпит!
Так о чем это всё
И томление моё и тревога
Почему нет покоя
моей одуревшей душе?
Что за белый корабль
Там, за кромкой прибоя?
А подмога далёка
и старость,
и поздно уже!

СТРЕКОЗА

Вот сидит она,
Сидит,
крылышками машет.
А зачем она сидит,
кто об этом скажет?
Вот летит она,
летит
быстрая, как пуля…
А куда она летит
в знойный день июля?
Вот и мы сидим,
сидим,
а потом подскочим!
И куда-то там летим,
что-то там хлопочем.
……
Иль споткнемся,
упадем
мордой в грязь ли,
лужу…
И жене молчок о том,
и не скажем мужу.
Отлежимся и опять
заново, да снова!
Это жизнь такая - бл…!
Или я – корова?

ТВОРЧЕСТВО

Что-то происходит в моей голове
точно!
Появляются ниоткуда слова,
складываются в строчки.
расставляются запятые
и точки.
Сам с удивлением наблюдаю за этим,
и не важно,
когда это приходит –
зимою,
или летом.
Важно, что ниоткуда,
как в доме
с плотно закрытыми окнами
появляется простуда,
и начинает знобить тело.
Кто-то говорит –
это писательское дело,
Чтобы тело ознобом било,
чтобы совесть свою роль не забыла,
чтобы издревле повторялось одно и то же!
И восклицалось
в удивлении
явлением этим:
- О, боже!

ЖАТВА МЩЕНЬЯ

Факты душу мою
истерзали,
как залпы картечи.
Я под ними стою –
окровавленный
русский солдат.
Раздаются команды
суровой,
чужой иноречи
и бормочут гадалки,
что там – впереди
еще ад.
Это всё верещат
духи злобы и мщенья –
слепые!
Потому как Обида восстала
и вышла на жатву
свою.
Русь последних лишилась святынь,
и отпали святые,
и осталась нас горстка
из верных
в строю.

У ПЕРЕПРАВЫ

«… и даже тоненькую нить
не в состоянье разрубить
стальной клинок».

На берег правый надо мне –
нет переправы!
Бесенок шепчет в тишине –
ты жаждешь славы!
Влетает в голову строка
и вот – волненье.
Она как в рыбу острога
и нет спасенья!
За ней вторая и пошло
стихотворенье!
А я лишь кормчий,
я – весло
у вдохновенья!
Я правлю им куда хочу,
но, боже правый!
Зачем в порог себя тащу,
где пена – лавой?!
Куда влечет меня строка
я сам не знаю,
то говорлива,
то тиха!
То сталь – литая!
Приходит день,
приходит срок,
как в песне старой!
И соловьем поёт сверчок
у переправы…

ОСЕНЬ

Нынче осень бяка бякой!
На дорогах наших слякоть
Прут машины – брызги врозь,
Чаще в морду, реже вкось!

ПТИЦА НА БОЛОТЕ КРИЧАЛА

Спица – она в колесе пригодится!
Спиться легко и не стоит трудиться!
Я наливаю себе полстакана
Выпил я поздно – опомнился рано!
Что-то во мне происходит такое,
что не дает мне ни сна, ни покоя!
Медные трубы и в небе зарница.
Птица кричит – вот горластая птица!
Завтра с рассветом пойду на болото…
Тоже тяжелая будет работа.
Птицу найти и спросить эту птицу:
ей-то чего в полнолунье не спится?
Птица ответит:
- Туман над болотом проснулся,
спица проткнула твоё колесо –
не уедешь!
Знаю – сопьешься,
сейчас только этим и бредишь!
Всё это проще простого.
Основа всему твоё слово!
Бес и бессонница – вот не разлучная пара.
Видишь, туман над болотом поднялся,
как в кадке опара!
Скоро уж, скоро и солнце пробьется –
я знаю!
Крылья обсохнут и я улете…
Улетаю!
Крика моего
ты больше в ночи не услышишь!
Только об этом
стихи перед смертью
напишешь!

ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ

Не путайте меня
с лирическим героем.
В нем только часть огня
от моего настоя.
Он весь –
неполнота!
Лишь отзвук –
не звучанье.
Ночная маята -
раздумий окончанье.

В РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО 2013 ГОДА

Становлюсь я нехороший –
Раздражительный и злой
Запорошенный порошей,
Ледяной её крупой.
Запорошен, огорошен
Бестолковой судьбой
сам собою в омут брошен,
Издеваюсь над собой!
Ни о чем не сожалею!
Был свободой опьянен!
Дружен с ямбом и хореем,
И поэтом наречен.
Но на самом,
самом деле,
Там, где совесть верещит,
Как тяжелые гантели,
Медный крест на мне висит.
От отца – его наследство!
От отца, мне – подлецу!
Ах, ты детство!
Детство, детство,
Куст рябины по лицу!
Буду плакать и смеяться,
Мне в обычай – водку пить!
Буду с Богом целоваться
Ненавидеть и любить!
Крест тяжелый,
медный, старый
Вы положите со мной,
когда выйду я – усталый
в путь-дорогу,
в мир иной.

А. ВОЗНЕСЕНСКОМУ

Засвистали раки
во мраке.
Чем темней -
тем сильней!
Прилетел во фраке
соловей – Андрей.
Они не знали языка другого,
По-рачьи свистали на Кукуй-горе.
Соловей божественное,
темное слово проповедовал,
раков узре.
Так и продолжается поныне,
рачий свист и темная речь.
Верно,
из песни слово не вынешь,
голову за это
не снимешь с плеч.

ОТКРОВЕНИЕ ЛУНЫ

Средь низких туч, стремительно летящих,
плыла Луна – желтоголовый ящер.
В тот смутный час рождения рассвета
был потрясен и не забыл про это.
И позже, днем, когда вовсю палило,
такое беспокойство наступило,
как будто что-то страшное случилось!
«Живи и помни» - правда мне открылась.

«ПЕСНЯ» МОЕЙ СОВЕСТИ

Ничего,
ничего хорошего
я не сделал,
а жизнь прошла!
В мир горючий
былинкой вброшенный…
Жизнь сушила её
и жгла!
Каждым часом -
остатком крошечным
я пред Господа предстаю…
Память с совестью
гремят косами,
ими скошенный -
упаду!
Всяко, разно об этом вспомнится
тем, кто после меня придёт…
Пусть их совесть –
души невольница
песнь свою,
о себе споёт.

НЕНАПИСАННАЯ РЕЦЕНЗИЯ

Что же мне сделать?
Ах!
Что же мне делать?
Правду сказать -
так обидишь девчонку.
Ложью утешить -
так совесть замучит.
Что замолчала
сучонка-душонка?
Видишь, как грозно
собрались все тучи?
Всё! Промолчи!
Так надежней и лучше.
Правду ты – скроешь,
а ложь - не посеешь…
Только застынешь
и онемеешь!

* * *

Чайки под острым углом
падают в море.
Отходим от берега -
шторм
будет здесь вскоре.
Кровь ударяет в висок
звоном тревожным.
Палубы хищен бросок –
будь осторожным.
Берег исчез за кормой –
пену срывая
проносится надо мной
ревущая сороковая…

О ПОЭЗИИ

Поэзия должна быть ни о чем
Поэзия должна быть побрякушкой
Игрушкой детской и невинной шуткой
Лаская сердце - бить его бичом!
Такое сочетанье у неё
Она - ничто и всё одновременно!
Она - случайна, вечна и нетленна!
Поэзия - безвинна, как дитя.
И, как дитя, она порой жестока.
Она начало устья и истока.
Она - всё можно!
И никак – нельзя!
Все, сочетая и в себе храня,
Бесценно всё в ней!
И ни в грош – цена!

БУДЕМ СТОЯТЬ

Будем стоять на своём
до конца
В праздник и в будни!
Вспомним про мать
и помянем отца,
мы им не судьи.
Время,
что их обожгло -
нас миновало!
Ангел был третий
с трубой громовой -
всласть грохотала!
То ли оглохли мы с этой поры,
То ли ослепли.
Тает смола на стволе у сосны,
Почки раскрылись у вербы.
Внучек бежит по зеленой траве,
Солнце играет,
Волос седой на моей голове
Долу склоняет.

ПРИМИРЕНИЕ

Сэтой мыслью о смерти
меня примирила природа.
И потеря родных
утвердила во мненье меня –
в том,
что смерть человека приходит
внезапно,
как в море погода,
как пожар верховой –
кто уйдет от огня?
Очищается мир
через гибель свою
и страданье,
потому как любовь,
что лежит в основанье его,
заключает в себе
триединую сущность познанья:
боль и страх,
и восторг,
и своё божество!

СПАСАЙ ЖЕ, ГОСПОДИ, МЕНЯ!

Спасай же, Господи, меня!
Где выходного дня беспечность
жужжит,
надеется на вечность,
как будто опилась вина.
Живу надеждой на тебя
и выходным я дням не верю.
Служу я тайную вечерю –
Лишь ты и я,
лишь ты
да я!
И на какую глубину
в тебя
я,
боже,
погружаюсь,
настолько в таинстве твоем
я в человека обращаюсь.
И ангелов твоих полет,
и облаков твоих теченье,
и урожай,
и недород –
всё,
всё есть воли продолженье.
Твоя - к добру зовет меня.
Моя - тебе противоречит.
Твоя врачует,
а моя,
или убьет,
иль покалечит!
И потому прошу –
Господь!
Будь милостив,

к земной моей юдоли...
Не надо мне
моей безумной воли!
Грешнее нет меня!
.....
Я волею грешу!

ТЕМНИЦА

«Голова моя машет ушами…»
С.Есенин.

И кого только нет
в бестолковой моей голове:
И неведомый старец,
читающий,
древние руны.
И сподвижник гиены –
безродный
трусливый шакал…
Тут не то, что ступить -
даже некуда плюнуть!
Потому что,
куда ни направишь плевок,
все равно попадаешь
в свои осовевшие очи…
Тяжек срок на земле…
О, как сладостен срок!
Как мучительно жить
в мире,
зреющей ночи!

ВОЛКУ

Я с тобой сейчас повою,
Только голову помою.
Только глупую мою,
а потом с тобой спою.
Всё о том,
что в мире тесном
жить приходится телесным.
Мясо пряное с жирком…
Ты о чем?
И я о том!

ГОРТЕНЗИЯ

Горделиво,
как гортензия,
ты расселась между нас.
У меня к тебе претензия –
не по нраву твой коллаж.
Тот - не там сидит,
а эти все
у твоих свалились ног.
Ты им –
каждому –
отметину!
Кому в сердце,
кому в бок!
Горько-сладкая гортензия,
ты судьбы моей манок.
У меня к тебе претензия
Что не я у твоих ног.

СЛУЧАЙНОСТЬ

Случился стих -
и я
затих,
как сеттер
в стойке.
Не чрез поле –
напрямик,
а прямо
с койки!
Лечу к столу
и
тороплюсь –
вот –
торопыга!
Сейчас,
сейчас я удивлюсь
открытью мига!
Но три строки
и весь запал, -
всё ветер
выпил!
Стоять, как сеттер -
я устал!
Но вот он – выстрел!
Душа рванулась
и…
взлетел
я
в исступленье!
Еще мгновенье
и запел
рог
вдохновенья!

ИЗ ВОСТОЧНЫХ УЧЕНИЙ

Там за гранью всего,
где немотствует Дух
где ни образа нет,
ни подобья,
Ловит шелест
любой
обостренный мой слух -
даже ветра
с грядущих надгробий.
То не явь и не сон -
пограничье всего,
когда формы танцуют
и пляшут.
Многорукие боги
играют мирами легко,
а бесплодную землю
слезами омоют
и вспашут.
И засеют костями
и кости взойдут,
как леса…
И леса те повалят,
И землю опять перепашут,
А когда над землей затрубят,
зарычат голоса
преподобная плоть
причастится кровавою
чашей.
Здесь начало конца
этих игрищ великих богов.
Здесь рожденье твое -
человече…
Здесь предел моих тонких, –

прозрачнее савана,
снов,
окончанье корней
всех великих имен
и наречий.

НАД ТЁМНОЙ ВОДОЮ КАНАЛА

Наталии Карповой

Над темной водою канала,
над синею бездной небес.
Душа твоя что-то искала,
но рядом был ангел
и бес.
И в этом бессилье –
безволье…
твоё проступало сполна:
внутри – широта и раздолье,
снаружи теснит пустота.
И ты напряженной струною
да так,
что стихи на разрыв,
звучала и пела о воле,
но выбран иной был мотив.
Земельный,
тяжелый и хлебный:
в слезах
и влюбленной душе,
не то,
чтобы смертный –
целебный,
но только для тех -
в шалаше.
Влюбленным и вечности мало -
не хлебом,
а страстью живут…
тебя же та страстность
сжигала,
звала на подъем и на труд!
Прощаю,
прощаю,

прощаю
И чтобы всем им не простить?
Отца я небесного чаю –
И чувствую
кровную нить.

ЖАЖДА НЕМОТЫ

Обет молчанья дать?
Но как в самом себе
заставить всё молчать?
Вот память подошла
и говорит о том
что целиком
я нахожусь
в былом.
Вот совесть
начинает укорять,
обида – грызть…
И лучше бы не знать
всех толстых книжек -
мудрости земной,
а жить бездумно
быть самим собой!
Не помнить ничего,
что жалость,
что печаль?
С печатью на губах
я уплываю вдаль.
Забвение знобит
предчувствием тройным,
но время раздробит
все молотом своим.
Предстану перед ним
Единым в Трех Лицах
Скажу:
- Господь,
простим и волкам
и овцам!
Природою влеком,
в безволие одет,
обычным мужиком

рожден я был на свет.
И грешен аз еси
не умыслом одним…
Господи, спаси?
Спаси…
Я сын тебе,
твой сын!

ОСТУДА

Годы мой взор остудили,
всё вижу остуженным оком.
Деревья,
что только спилили
исходят неистово
соком.
Не так ли меня
подпилили
и сердцу осталось
взорваться?
Судили?
Судили!
Да так остудили,
что нечем уже
трепыхаться.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

«Все-то было в далеком былом!
Лунный свет
и предчувствие смерти…
Одиночеству люди – не верьте!
Одиночество кончится днём!»
1978 год. Бийск.

Ночь. Тайга и предчувствие смерти
Только я написал о другом:
«Одиночеству люди – не верьте!
Одиночество кончится днём!»
Ошибался! В ликующем сонме,
окрыленных надеждой людей,
одиночество стало бездонней,
словно мрак твоих черных очей.
Никуда от него мне не скрыться –
Эта ноша всегда за спиной,
То поёт, словно в мае, синица.
То истошно кричит надо мной.
Надо мной и повыше
над нами,
Еще выше –
над твердью земной.
Над арктической стужей,
над льдами…
И над бездной соленой,
морской.
Одиночество неоспоримо
Хоть лети к самой дальней звезде
Миллиарды людские – все мимо!
Где б ты ни был,
один ты везде!
Ты – творец и поэтому будешь,
словно Бог, в одиночестве плыть…

Ты любил этот мир…
Нет – ты любишь,
и себя в той любви
не избыть!

ЧИТАЯ ШЕКСПИРА

«Днем отдыха не нахожу ногам,
А духу нет покоя по ночам».
В. Шекспир.

Я вздутый труп,
плывущей по воде.
Я – перст судьбы.
Я – перстень на руке.
Я – весь в строке,
и жизнь моя в строках.
Каков итог?
Земли легчайший прах!
Я – древо разорвавшее бетон.
Я – слабый скрип.
Я – вымученный стон.
Я был с тобой,
я был в тебе не раз,
и вновь смотрю
сквозь окна твоих глаз.
Во внутрь смотрю,
во глубину души,
живое что-то теплится в тиши.
Я взгляд отвел…
Я знаю – он тяжел,
как плотника отточенный топор!
А надо бы,
а надо бы глядеть,
что бы душа
не смела онеметь,
пока не станет человек – седым,
как восемьдесят восемь снежных зим,
что пронесла шрапнельная метель
над головой его…
И вот – свирель…
откуда и зачем она поёт,
когда на сердце мрак

и колкий лед?
Ответа нет.
Читай – Шекспир
27-й сонет
«Устав от дел, спешу скорей в кровать,
Чтоб отдохнули члены от блужданья.
Но только станет тело отдыхать,
Как голова начнет свои скитанья».
И я скитаюсь!
Нет приюта мне!
И чаще под конем -
не на коне!

С ЭККЛЕЗИАСТОМ.

«2 И ублажил я мертвых,
которые давно умерли,
более живых, которые
живут доселе;3 а
блаженнее их обоих тот,
кто еще не
существовал, кто не
видал злых дел, какие
делаются под солнцем».

Экклезиаст.

Дитя мое, случается восторг.
Накатит счастье,
но нахлынет горе.
Ты сам с собой ведешь
преглупый торг.
Не при дверях стоишь,
а топчешься в притворе.
Еще не слышишь
азбуки своей,
еще не дышишь
простотой свободы.
Не при корнях,
но только у корней!
Еще не род,
а только будут роды.
Тогда узнаешь
подлинность всего,
что есть и будет,
что всегда – от века,
Что не было на свете
человека
счастливее того,
кто не рожден!

Вот так,
дитя,
здесь
– суть твоих времен!
И все-таки –
случается восторг!
Накатит
и окатит
непоседу!
Велик Господь!
Высок его порог!
Лишь тот,
кто жил –
тот зван к Его
обеду.

ПРЕД БУЙСТВОМ ЖИЗНИ

Господь мне дал воображенье.
Сей крест несу я с давних пор,
на состраданье
и терпенье
На боль
и стыд,
на свой позор!
Вот так в татарнике
колючем
Бутон раскроется слегка,
Уж шмель гудит
и вьются тучи
букашек разных
у цветка.
Колючки – да!
Нектар – важнее
и фиолетовым огнем
горит,
а время цепенеет
пред буйством жизни
той,
что в нём.

ГЕОРГИН.

В этом домике скромном
и маленьким,
где за окнами снег да полынь.
В не затейливой вазочке
аленькой
словно сгусток огня - георгин.
Видел тонкие, бледные руки,
что тянулись к нему по утрам.
Ах, зачем мне душевные муки,
эти слезы с вином, пополам?

На весенней лужайке,
проталинке
первоцветов букет соберу.
Что ты плачешь, зайчонок мой
маленький?
Я давно тебя нежно люблю.
Увезу тебя в дальние страны.
Круглый год там цветет апельсин.
Позабудешь снега и туманы,
как горел на окне георгин.
Ты научишься светским манерам,
по паркетам шелками шуршать
и шептать, на ушко, кавалерам,
то, что мне ты не стала шептать.
В этом домике скромном
и маленьким,
где за окнами снег да полынь.
В не затейливой вазочке
аленькой
словно сгусток огня - георгин.

ИСПОВЕДАЛЬНОЕ.

Сколько кануло в Лету
завязалось узлом.
Побродил я по свету,
посидел за столом
Русь! Россия родная!
Ты – суровая мать!
Я уйду и растаю
тебе вечно стоять.
Сколько сказано было
непродуманных слов?
Сколько ты порубила
непутевых голов?
Я безвестный и всякий
в костоломах судьбы
был на гребне атаки,
в авангарде борьбы.
С миллионами прочих
и не лучший из них
я работал до ночи
за двоих,
за троих
и за пьяных
и сытых
за комчванскую спесь,
за неправо избитых
и за скользкую лесть.
Сколько зряшной работы!
Сколько порванных жил!
Но и смутные годы
Я Россия – любил!
Я корнями глубоко

в твою землю ушел,
до кровавого пота
развороченных сёл!
До могил безымянных,
до закрытых страниц…
И до слов покаянных,
до умолкнувших птиц…
Ты суровая – верно!
И к врагам, и к сынам…
Ты сейчас обласкала,
поманило теплом,
Но иною не стала
и иную - не ждем!
Будь суровой, как прежде
неподкупною будь!
Дай любви и надежде
свою сильную грудь!
Не сужу, но страдаю
Мать – святыня всегда!
Я уйду и растаю –
небольшая беда!
Лишь бы знать,
умирая,
оставляя детей,
что для них ты – родная
до скончания дней.

* * *

Ломали дом и в спешке,
всё круша
сердитый дядька,
с ломом влез на крышу
и закричал:
- Поберегись! Обрушу!
И замерла в предчувствии душа.
А разве я не радовался им,
крупнопанельным,
светлым и высоким,
когда их строем
медленно тесним
мой, отчий дом,
остался одиноким?
Не думал я, что сердце обожжет!
Что слово - "дом" не сводится к жилищу,
что мы судьбу не там порою ищем,
что Родина идет от слова - "род".
Не думал я...
Вот рухнула стена
и долго-долго в воздухе летали,
частицы праха, атомы печали
и кем-то не прощеная вина.

ОБЛОМКИ.

«Не варите козленка
в молоке его матери».

Мы осколки, остатки
могучей эскадры:
многолюдных галер.
буревестных судов.
Перерублены наши клинки,
переломаны гарды,
что досталось в наследство
от наших отцов.
Мы лежим, обсыхаем
на отмелях нашей Отчизны,
старый хлам бытия,
отголоски сражений и битв.
Мы - чужие на собственных поминках,
собственной тризне,
но не помним...
не вспомним минувших обид.
Мы сгораем в кострах
не знакомого,
чуждого мира.
Призывающим нас - мы не внемлем
поскольку - глухи.
Лишь бормочем во сне:
"*Не творите из смертных кумира*
не варите из рыбы и мяса - ухи".
Это новый завет
в добавление к ветхим заветам,
в назидание всем,
говорящим на сем языке.
Мы уже не дождемся,
уже не услышим ответа
ни в речах площадей,

ни в газетной строке.
Мы ушли по стопам облаков
по ступеням туманов.
По ту сторону жизни шагнули
и все тут дела!
Ядра все просвистели над нами,
отшлепали пули,
стала ржавчиной кровь,
стали прахом тела.
И когда этот мир
перемелет в муку свои камни,
изотрет жернова,
и замесит хлеба на слезах.
Небеса распахнут
свои звездные ставни:
всё вернется,
что тайною было в веках.
И исполниться все,
что реченое было в пророках,
что поэт бормотал,
зачарованный музыкой слов.
Мир вернется опять
к изначальному Слову,
к истокам,
облачится весь мир в покрова
так как станет Христов.

* * *

Последние в этом сезоне
сгорают на клумбах цветы.
В погоне за солнцем,
в поклонах
смиренной своей доброты.
Гляжу и – мне хочется плакать!
Я дерзость в смиренье облек.
Все годы скатились на Запад,
хоть шел я всегда на Восток.
У этих, восточных пределов,
где ржавая пена морей;
я выковал волю и тело
для самых надежных цепей.
Те цепи не трут и не давят,
не слышен их тягостный звон,
а только беззвучно рыдают
над тайной пространств и времен.

* * *

Сом в ладье льда –
вечно пребудет!
Остекленелым глазам,
не изыщешь суда,
кроме чрева посуды.
Из нити звездной
ткут пауки
точный расчет сети...
Как мухи - глупы,
как гроза - глухи,
дети,
земные дети!
Значит,
в ягоде ежевике,
в ананасе заморском,
во всем,
нет ни чего кроме,
губ,
карающей Анжелики,
вывернутых
в медвяном притворстве!
Вывод сей точен,
как полет стрелы,
как бег Ахиллеса.
Резаные яблоки –
обломили столы,
на тайной вечере прогресса.

«Осыпаются листья
Евгения Стэнман,
пора мне,..»

Павел Васильев

1932 год
Всё!
Осыпались листья
и в саване снега
обгорелые кисти
рябин,
стукотят по решетке
окна…
И расстрелы ночные,
и тишь...
Всё закутано в саван
из пухлого снега...
Нет!
Из тухлого снега!
Всё в кровавый
закутано,
саван рябин!
О нелепость такого!
О, вера святая в
нелепость!
В то, что нету
расстрелов
и правда святая –
жива!
И не осень стучит,
и не листьев летит
обгорелость,
а слова отлетают
и вечность нисходит в

о
к
ДОГОВОРНАЯ
60р. ЦЕНА

слова!
Ибо вечность – ничто!
Если нет
сопричастности в
слове…
«Шел вчера юго-
западный ветер в
ладони трубя…»
А сегодня в повозке,
веселой расстрельной
артели,
мои мертвые губы
опять призывали тебя.

1987 год.